

УДК 81'366(5)

ББК 81.2-2

Е.В. Краснощеков**ПОСЕССИВНОСТЬ
В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА****(на материале
палеоазиатских языков)**

Предлагаемая статья представляет собой исследование посессивности в палеоазиатских языках. Объектом исследования является посессивность и ее происхождение. Предмет – анализ категории посессивности в диахроническом аспекте. Материал исследования – енисейские языки. Цель работы – проследить происхождение посессивности и пути ее развития на примере енисейских языков методом диахронического исследования. В статье рассматривается категория притяжательности, которая во всех палеоазиатских языках охватывает кроме имени и систему глагола. Это подтверждает предположение, что в недалеком прошлом здесь не было глаголов обладания, и наличие их в некоторых языках является более поздними инновациями. Глагол фактически еще не отделялся от имени и существовал только в предложении. Стадия эргативности несомненно присутствовала в данных языках.

Ключевые слова: исследование посессивности, палеоазиатские языки, енисейские языки, происхождение посессивности, диахроническое исследование, категория притяжательности, глаголы обладания, стадия эргативности.

Краснощеков Евгений Владиславович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка Таганрогского государственного педагогического института
Тел.: 8-903-470-20-25
E-mail: judgin 58@mail.ru

© Е.В. Краснощеков, 2008

При исследовании палеоазиатских языков, в частности, енисейских (кетский, коттский, югский) было установлено, что категория притяжательности охватывает не только притяжательные местоимения и имена существительные (Genitiv), но и глаголы.

В кетском языке речь идет о показателях группы **В** и **Д**. По мнению кетологов Г.К. Вернера и Г.Т. Поленовой, у активных глаголов, которые передавали различные действия и движения, был представлен ряд аффиксов группы **В**; они соотносились с активными именами, обозначавшими деятеля. Другой же ряд аффиксов, условно обозначаемый теперь показателями группы **Д**, был, очевидно, сначала связан с идеей пребывания актанта ситуации в определенном состоянии и, следовательно, мог соотноситься как с активными, так и с инактивными именами. Еще М.А. Кастрен обратил внимание на употребление в качестве притяжательных префиксов имен притяжательных местоимений (к которым восходят показатели группы **В**). Академик И.И. Мещанинов также отмечает оформление теми же показателями (показатели группы **В**) уже глагольных словоформ. Он же выдвинул первым идею посессивной конструкции предложения в кетском языке. Сравним (см. табл.).

В работе Е.А. Крейновича «Глагол кетского языка» мы находим: «генетически показатели группы **В** указывали на принадлежность действия лицу: *батаб-*

дак 'мое-вытаскивание-этого' (а не 'я-вытащу-это'), подобно тому, как префикс 1-го лица ед. числа именной категории притяжательности указывает на принадлежность вещи лицу: *бам*, также *абам* 'моя мать' (*ам* 'мать')» [Крейнович, 1968, с. 24].

Имя	Глагол
югск. b-ор 'мой отец'	ba-ga:bda 'я-слышу'
k-ор 'твой отец'	ku-ga:bda 'ты-слышишь'
daop 'его отец'	a-ga:bda 'он-слышит'
diop > dop 'ее отец'	i-ga:bda 'она-слышит'

Е.А. Крейнович отмечает, что при помощи глаголов со значением обладания могут быть выражены представления о четырех следующих временных планах обладания предметом: 1) представление о будущем обладании предметом, которого у человека еще нет; 2) представление о самом начальном моменте обладания предметом, когда человек его только что приобрел; 3) представление о длительном обладании предметом, в том числе и во время, относящееся к моменту речи; 4) представление о бывшем обладании предметом, которого у человека уже нет.

Г.К. Вернер обратил внимание на категорию притяжательности, когда анализировал признаки активного строя в кетском языке: «Энклитическое примыкание местоименного компонента *-da-* (мужской род), *-di* (женский род), *-na-* (невещной род во множественном числе) к предшествующему имени-определению привело к возникновению парадигмы падежного склонения, которая позднее распространилась на сферу имени. А проклитическое слияние этих компонентов с последующим именем привело к возникновению форм так называемого притяжательного (личного) склонения имен» [Вернер, 1974, с. 43].

Притяжательное оформление в кетском получил и глагол. В своей монографии, посвященной категориям глагола, Г.Т. Поленова приходит к выводу, что показатели группы **B** исконно выражали органическую принадлежность не только предмета, но и действия, а показатели группы **D** отчуждаемую принадлежность предмета, признака действия, состояния.

Присоединяясь к имени или глаголу, элемент *b-* нес с собой значение органической принадлежности, в то время как классный показатель *-d-* нес информацию об отчуждаемой принадлежности, примерно так: '*b-*' – 'я имею' (что-то неотъемлемое от моего 'Я') и '*d'*' – 'у меня есть, имеется' (что-то такое, что не связано с моим 'Я') [Поленова, 1987, с. 79].

Котские глагольные словоформы также оформляются показателями серии **B**, как в субъектном, так и в объектном рядах. Только в некоторых случаях, отмечает Г.К. Вернер, субъектные суффиксы серии **B** дуб-

лируются другими субъектными префиксами или инфиксами, видимо, серии **D**: *i-t^hak-ŋ* ‘я-прыгаю-л’, *i-t^hak-u* ‘ты-прыгаешь-ты’, *dai-tax* ‘он-прыгает’, *on-t^hakgan-ton* ‘мы-прыгаем-мы’, *on-t^hagan-on* < *on-t^h* ‘вы-прыгаете-вы’, *d’a:n-t^hax-* < *d’a: ŋ-t^hax-* ‘они-прыгают’ и т.д. (в 3-м лице, очевидно, представлены в препозиции показатели **D** и **B**, т.е. *d’* + *a*: для формы ед. числа и *d’*+ *a:ŋ* для формы мн. числа) [Вернер, 1990, с. 225].

В связи с тем, что в коттском языке представлен только один ряд показателей **B**, полностью совпадающий с формантами родительного падежа, может возникнуть предположение о том, что в коттском посессивная конструкция предложения получила более последовательное развитие, чем в кетском и югском языках. Условиям посессивной (т.е. особой эргативной) конструкции предложения полностью соответствуют коттские формы типа *bagi:tŋ* ‘это-ищу я’ *baga:kŋ* ‘это-держу-я’, *barukŋ* ‘это-найду-я’, *barujŋ* ‘это-тяну-я’, *barajan* ‘это-делаю-я’, *baše:raŋ* ‘это-скоблю-я’ и т.д., которые нашли в коттском языке, как можно судить по данным М.А. Кастрена, самое широкое распространение и которые точно соответствуют югским формам типа *baxybder* ‘я-ношу-это’.

Такая интерпретация данных коттских словоформ обосновывается тем, что в них в качестве субъектных выступают показатели серии **B**, полностью совпадающие с формантом родительного падежа, и, следовательно, восходящие к формам родительного (resp. эргативного) падежа соответствующих личных местоимений, а в качестве объектного выступает показатель вещного класса *b-ba-* (соответствует кетско-югскому показателю *-b-v -p-*), который входит в серию показателей **D**, восходящих к форме основного падежа личных местоимений. В коттских глаголах непереходной семантики показатель *b-* мог выступать в субъектной функции, например, *bap* ‘это-зреет’. Во всех других случаях в качестве объектных выступают показатели серии **B**, которые как уже отмечалось, выступают и в роли субъектных.

В **юкагирском** языке Е.А. Крейнович отмечает отсутствие глаголов обладания, а значение обладания выражается в нем посредством суффиксов, присоединяемых к именам. К отыменным глаголам со значением обладания Крейнович относит три группы глаголов, как и в кетском языке [Крейнович, 1968, с. 139]: 1) глаголы со значением недавнего приобретения предмета; 2) глаголы со значением наделения кого-либо предметом; 3) глаголы со значением давнего обладания предметом.

И Крейнович, и Вернер пишут, что *verba habendi* можно образовать от всех имен существительных, которые могут обозначать объект обладания.

Каждое из указанных грамматических значений выражается при помощи одного из двух вариантов соответствующего основообразующего

суффикса, как это имеет место при образовании форм увеличительной, множественного числа и комитатива (совместный падеж). Эти суффиксы следующие:

I класс		II класс	
Тундр.	Колым.	Тундр.	Колым.
<i>рэ-дэ</i>	<i>дэ</i>	<i>р-д</i>	<i>д-т</i>
<i>тэ</i>	<i>тэ</i>	<i>с</i>	<i>ш</i>
<i>н'э</i>	<i>н'э</i>	<i>н'-н</i>	<i>н'-н</i>

Пример: настоящее-прошедшее время: тундр. *Мэт мэ-р илэ-рэ-јэн* 'я обзавелся оленем'; колым. *Мэт мурэ-дэ-јэ* 'я обзавелся обувью'; тундр. *Тэт мэ-р-илэ-рэ-јэк* 'ты обзавелся оленем'; колым. *Тэт мурэ-дэ-јэк* 'ты обзавелся обувью'.

От тех же основ существительных, которые были приведены выше, образуются переходные глаголы со значением надления или снабжения кого-либо каким-либо предметом.

Пример: настоящее-прошедшее время: тундр. *Мэт мэ-р-илэ-тэ-ң* 'я снабдил оленем'; колым. *Мэт мурэ-тэ* 'я снабдил обувью'; тундр. *Тэт мэ-р-илэ-тэ-мэк*; колым. *Тэт мурэ = тэ-мэк* 'ты снабдил обувью'.

От основ I класса отыменные непереходные глаголы со значением давнего обладания предметом образуются при помощи суффикса *-н'э*, а от основ II класса с помощью суффикса *-н' ~ -н*.

Пример: I класс – тундр. *Мэт мэ-р-илэ-н' э-јэн* 'я имею оленей'; колым. *Мэт мурэ-н'э-јэ* 'я имею обувь'; тундр. *Тэт мэ-р-илэ-н-э-јэк* 'ты имеешь оленей'; колым. *Тэт мурэ-н'э-јэк* 'ты имеешь обувь'. II класс – тундр. *Мэт мэ-р-ал' ља-н-д'эң* 'я имею рыбу'; колым. *Мэт ар' э-н-д'э* 'я имею оленя'.

В ительменском языке посессивное (косвенно-объектное) спряжение представляет третий тип спряжения глаголов, характеризуемый собственными специфическими показателями и не сводимый ни к субъектному, ни к субъектно-объектному типам. Этот тип спряжения реализуется в виде двух подтипов – посессивного и косвенно-объектного и, очевидно, относится к числу древнейших элементов ительменской глагольной системы. В других языках чукотско-камчатской группы этот тип спряжения не отмечается.

Глагол посессивного спряжения является ядром трехчленной посессивной синтагмы, в которой объект обладания оформляется абсолютным падежом, а обладатель – местным падежом. Таким образом, эта синтагма структурно аналогична русским синтагмам типа "у меня есть лодка", "у тебя есть лодка", "у него есть лодка" и т.д. Именно форма 3-го лица обладателя является наиболее яркой внешней приметой посессивного спряжения.

В ительменском обнаружен один глагол, который способен спрягаться исключительно по посессивному типу. Это глагол *чикес* 'иметься у кого-либо в наличии'.

Пример посессивного типа спряжения

	Субъект обладания		Объект обладания	
			Ед.	Мн.
<i>камманк</i>	<i>чи-о-з -уен</i>		<i>чи-о-з- уе?н</i>	'у меня есть'
<i>кнанк</i>	<i>чи-о-з - уен</i>		<i>чи-о-з- уе?н</i>	'у тебя есть'
<i>эннанк</i>	<i>чи-о-с-кинен</i>		<i>чи-о-с-кине?н</i>	'у него есть'
<i>мизуанк</i>	<i>чи-о-з - уен</i>		<i>чи-о-з- уе?н</i>	'у нас есть'
<i>тизуанк</i>	<i>чи-о- с-кисхен</i>		<i>чи-о-с-кисхе?н</i>	'у вас есть'
<i>тхи?инк</i>	<i>чи-о-с-кипэнен</i>		<i>чи-о-с-кипэне ?н</i>	'у них есть'

[Володин, 1978, с. 256]

Формы посессивного спряжения могут принимать также и другие глаголы, прежде всего глаголы чувства: *эндсх-кес* 'болеть', *кст'ащанкес* 'саднить' и т.п., а также глаголы, выступающие как функциональные аналоги глагола *чикес* 'иметься': *тхзукес* 'стоять', *солкес* 'лежать' (в смысле 'находиться, быть в наличии'). Возможно посессивное употребление и других глаголов, исключительно субъектных.

Этот последний случай касается употребления глаголов в посессивных конструкциях типа 'у меня болит голова' (-'моя голова болит'), 'у него умерла жена' (-'его жена умерла'), 'ребенок у него курит' (-'его ребенок курит') и т.д. В общем смысле эту конструкцию можно истолковать как 'что-то с кем-то происходит'. В структуре такого типа может быть употреблен теоретически любой глагол, в том числе и субъектно-объектный (например: 'брат у него убил медведя' – 'его брат убил медведя'), однако в ительменском субъектно-объектный глагол не оформляется посессивными показателями *-кинен*, *-кипенен*. Зато субъектные глаголы употребляются в посессивной конструкции очень широко.

В **чукотском** языке (как и в кетском [см. Werner, 1994, с. 171] любое существительное, способное обозначать предмет обладания, может быть оформлено глагольными показателями и употребляться в качестве глагола-сказуемого со значением «иметь кого-, что-либо». Для выражения категории принадлежности в чукотском языке имеются специальные притяжательные и относительные формы, не входящие в систему склонения.

Например, посредством суффикса *-йт* – *эй* от существительных, обозначающих, как правило, предметы одежды, образуются непереходные глаголы со значением «надевать данный предмет», например: *памъя-йт-ык* 'надевать меховые чулки' – от *памъялгын* 'меховой чулок' (мн. ч. *памъя-т*). Суффикс *-йт* подчиняет себе слабые гласные, изменяя их в соответствующие гласные сильного ряда. Ср., например: *эвиръын* 'одежда'

(мн. ч. *эвирь-ыт*) и *авэрь-эп-ык* 'одеваться'; *кээли* 'шапка' (мн. ч. *кээли-т*) и *кээле-йп-ык* 'надевать шапку'; *лили-т* 'рукавицы' и *лэле-йп-ык* (или *ле-йп-ык*) 'надевать рукавицы' и т. п.

При помощи суффикса *-тв* от существительных, обозначающих предметы одежды, образуются непереходные глаголы со значением «снимать данный предмет». Ср., например: *плек-ыт* 'обувь' и *плек-ы-тв-ык* 'разуваться', *ричит* 'пояс' и *ричит-ы-тв-ык* 'распоясываться', *ирь-ын* 'верхняя одежда' и *ирь-ы-тв-ык* 'снимать верхнюю одежду', *кээли* 'шапка' и *кээли-тв-ык* 'снимать шапку', *лили-т* 'рукавицы' и *лили-тв-ык* 'снимать рукавицы' и т. п.

В **эскимосском** языке глагол свободно образуется от основ любой другой части речи, ср.: *хуаңа* 'я' > *хуаңа-кү-ақу-тын* 'за мной идешь ты', *тана* 'этот' > *тана-ңу-ма-ңа* 'это был я'; *утуқа* 'старый' > *утуқа-лэқинз-ақуқ* 'старится медленно он'; *ысыки* (междометие озноба) > *ысыки-йуг-ақуқ* 'ноет от озноба'. Отыменные глаголы изменяются по всем присутствующим обычному глаголу грамматическим категориям, ср.: *игах,та* 'учитель', *игаупы-ңу-лэбк, -утын* 'учителем будешь ты', *игахты-ңу-зи-н?* 'учитель ли ты?' В одном отыменном глаголе может быть сосредоточено значительное количество словообразовательных и словоизменительных суффиксов, ср. в науканском диалекте: *аңқақ* 'мяч' > *аңқа-ңлэах-тух-тыфка-врыаз-нақ-ақ-йаз-а-қа* 'мячей сделать много заставляю потихоньку безуспешно его я'; здесь лексическим ядром выступает основа *аңқаг-* 'мяч', все прочие значения выражены серией суффиксов, образующих производное слово [Меновщиков, 1997, с. 79].

В языке паланских **коряков** отмечено, как и в других чукотско-камчатских языках, два типа спряжения глагола субъектное и субъектно-объектное. В типах спряжения отражается грамматически существенное различие между непереходным и переходным глаголами. Все непереходные глаголы изменяются по образцу субъектного спряжения, в форме глагола отражен субъект действия, например: *гыммэ ты-валомыткын* «я слушаю», *гыммэ ты-тваткын* «я сижу» (нахожусь).

В формах спряжения переходных глаголов выражается не только субъект, но и объект действия, например: *гымнан гыттэ т-ла-?у-гыт* «я тебя видел», *гымнан гыттэ гы-кэто?ы-гыт* «я тебя вспомнил», *гымнан гыттэ т-у?ат-гыт* «я тебя подождал» (*т* – показатель 1-го л. ед.ч. субъекта, *-гыт* – показатель 2-го л. ед. ч. объекта) [Жукова, 1980, с. 86].

Две модели спряжения: субъектную и субъектно-объектную имеют глаголы в **гренландском** языке. В субъектном спряжении шесть форм, в субъектно-объектном – 28 (нет двойственного числа). Притяжательные формы имен и сказуемые зависимых предикативных единиц имеют, помимо обычных трех лиц, еще и возвратное (четвертое) лицо: *ауқа' тайбаа* имя – его (другого) он-назвал' - *ауқи' тайбаа* 'имя-свое он назвал': в поли-

предикативном предложении четвертое лицо используется при кореферентности субъектов, третье – при отсутствии кореферентности [Вахтин, 1997, с. 96–97].

Как мы видим, практически во всех палеоазиатских языках притяжательность охватывает и систему глагола. Это подтверждает предположение, что в недалеком прошлом здесь не было глаголов обладания, и наличие их в некоторых языках является более поздними инновациями. Глагол фактически еще не отделился от имени и существует, по определению Э.И. Белимова, только в предложении. Стадия эргативности несомненно присутствовала в данных языках.

Литература

1. *Вернер Г.К.* Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. 1974. № 1.
2. *Володин А.П.* Ительменский язык. Л., 1978.
3. *Жукова А.Н.* Язык паланских коряков. Л., 1980.
4. *Крейнович Е.А.* Глагол кетского языка. Л., 1968.
5. *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
6. *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958.
7. *Поленова Г.Т.* Вопросы генезиса некоторых формантов кетского глагола. // Вопросы языкознания. 1987. № 4.
8. *Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола. Таганрог, 2002.
9. Структура предложений в языках различных типов // Палеоазиатские языки / под ред. В.З. Панфилов, П.Я. Скорика. Л., 1984.
10. *Werner H.* Das Klassensystem in den Jenisei-Sprachen. Wiesbaden, 1994.
11. *Werner H.* Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997.